

Языковые репрезентации концепта «огонь» в лингвокультуре эвенков

Н. Ю. Ушницкая

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия
E-mail: maltak84@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования является семантика языковых единиц, участвующих в репрезентации концепта «огонь» в лингвокультуре эвенков. Целью выступает описание концепта. В исследовании применяются лингвокультурологический и семантико-когнитивный подходы к исследованию единиц мышления. Актуальность темы исследования определяется недостаточной изученностью фрагментов языковой картины мира эвенков. Представления об огне существуют в сознании многих народов мира. По мнению ученых, они относятся к культурным универсалиям. Огонь – одна из четырех природных стихий, первоэлементов. Поэтому существует культ огня в традиции эвенков, как и у многих других этносов. Формирование концепта в сознании эвенков шло под влиянием ландшафта, исторически связанного с территорией их проживания, традиционного типа хозяйства (охота), анимистических воззрений на природу. На лексикографическом материале выявляются языковые единицы, вербализующие концепт, производится их семантический анализ, далее исследуются фольклорные, художественные тексты, полевые аудиозаписи. После совершается лингвокультурологический анализ этих текстов. Тексты записаны от информантов, проживающих в с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край; с. Усть-Нюкжа, Тындинский район, Амурская область; с. Алла, Курумканский район, Республика Бурятия; с. Тяня, Олёкминский район, Республика Саха (Якутия). Анализ полевых аудиозаписей позволил выявить ценностную составляющую ментального образования и показал, что в сознании современных эвенков сохраняется культ огня, восприятие его как божества. Это отмечается среди групп эвенков, ведущих традиционный охотничье-кочевой образ жизни. Изучение фольклорных, художественных и поэтических текстов позволило выделить образную сторону концепта. Рассматриваемое ментальное образование является базовым в сознании эвенков и родственных с ними народов. Ключевым репрезентантом концепта является лексема 'того', употребляемая во всех говорах эвенкийского языка и тунгусо-маньчжурских языках, что указывает на архаичность данного фрагмента языковой картины мира эвенков. Кроме упомянутой лексемы, в актуализации ментального образования употребляются и другие слова: *гулу-вун, дяңэ, яндра, оту*.

Ключевые слова: эвенкийский язык, лингвокультура, репрезентация, концепт, огонь, охота, душа, мусун, того, род.

Для цитирования: Ушницкая Н. Ю. Языковые репрезентации концепта «огонь» в лингвокультуре эвенков // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-47-58

УШНИЦКАЯ Наталья Юрьевна – к. филол. н., н. с. отдела северной филологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: maltak84@mail.ru

USHNITSKAYA Natalia Yurievna – Candidate of Sciences Philology, Research Fellow, the Department of Northern Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Linguistic representations of the concept «fire» in the linguoculture of the Evenks

N. Yu. Ushnitskaya

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia

E-mail: maltak84@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the semantics of linguistic units involved in the representation of the concept «fire» in the linguoculture of the Evenks. The aim is to describe the concept. Linguocultural and semantic-cognitive approaches to the research of thinking units are applied in the study. The relevance of the topic of the article is determined by the insufficient study of the fragments of the Evenk linguistic picture of the world. Representations about fire exist in the consciousness of many peoples of the world. According to the scientists, they belong to cultural universals. Fire is one of the four natural elements, primary elements. Therefore, there is a cult of fire in the Evenki tradition, as well as in many other ethnic groups. The formation of the concept in the consciousness of the Evenks was influenced by the landscape, historically connected with the territory of their residence, traditional type of economy (hunting), animistic views of nature. The lexicographic material is used to identify linguistic units verbalizing the concept, their semantic analysis is performed, then folklore, art texts, field audio recordings are studied. After that, the linguocultural analysis of these texts is carried out. The texts were recorded from informants living in Kyust-Kemda village, Kalarsky District, Zabaikalsky Krai; Ust-Nyukzha village, Tynda District, Amur Region; Alla village, Kurumkansky District, Republic of Buryatia; Tyanya village, Olyokminsky District, Republic of Sakha (Yakutia). The analysis of the field audio recordings made it possible to identify the value component of mental education and showed that the cult of fire and the perception of fire as a deity are preserved in the consciousness of modern Evenks. This is observed among the groups of Evenks leading traditional hunting and nomadic way of life. Studying folklore, art and poetic texts has allowed identifying the figurative side of the concept. The mental formation under consideration is basic in the consciousness of Evenks and related peoples. The key representative of the concept is the lexeme 'togo', used in all the colloquialisms of the Evenki language and Tungus-Manchurian languages, which indicates the archaic nature of this fragment of the linguistic picture of the Evenki world. In addition to the mentioned lexeme, other words are also used in the actualization of mental formation: guluvun, dyaje, yandra, otu.

Keywords: Evenki language, linguoculture, representation, concept, fire, hunting, soul, musun, togo, genus.

For citation: N. Yu. Ushnitskaya. Linguistic representations of the concept «fire» in the linguoculture of the Evenks // DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-47-58

Введение

Во всех культурах мира существуют свои национально-специфические представления об огне. Огонь как одна из стихий первоэлементов бытия, наряду с водой, землей, воздухом выступает ключевой константой в мировоззрении того или иного этноса. Тема огня вызывает интерес многих ученых, этнографов, культурологов, лингвистов и др. В. А. Маслова относит представления об огне к культурным универсалиям архаического типа. Универсалии ученый определяет, как «общие черты культуры, присущие большинству народов, независимо от их социального и географического положения. Это сходные для всех культур элементы (наличие языка, изготовление орудий труда, сексуальные запреты, мифы, танцы и т. д.)» [1, с. 192]. Обожествление огня, особое отношение к нему наблюдаются во всех культурах мира. Огонь наделяют особыми свойствами. Так, славяне выделяли «живой огонь», под которым понимали огонь, добытый трением для особых целей (ритуальных). Живому огню приписывается очищающая, обеззараживающая, добрая, благотворная сила. Живой огонь – огонь на пути с небес вниз, наделенный живой, творческой силой, работающий огонь. Ему противопоставлен отработавший огонь, мертвый; утративший свою творческую силу, уходящий из земного мира вон, но он способен разрушать, вредить и поэтому тоже активный [1]. Буряты приносили жертвы огню, тщательно берегли чистоту

огня – нельзя было бросать в огонь мусор, топить нечистыми дровами. Похожие представления есть у других народов: так эвены не любят класть в огонь лиственницу, потому что она громко щелкает, а это, если и не является само по себе недобрым предзнаменованием, то заставляет задумываться и пребывать в напряжении [2].

Исследованию представлений об огне в воззрениях эвенков посвятили свои труды Г. М. Василевич, А. Ф. Анисимов, А. И. Мазин и др. В представлениях эвенков дух-хозяин огня (*того мусунин*) мыслился антропоморфным в образе старушки *эникэн Того* (Огонь-матушка). Ее местопребывание – площадка костра в чуме. Перед тем, как есть, огонь надо было «покормить». Поскольку огонь считался хранителем благополучия большой семьи, то, бросая жир, мясо в огонь, всегда обращались с просьбой не только согреть, но и накормить, т. е. послать зверя: «*Того эникэкүн, мунэ нямалгикал, дегдэлкэл сѳты, бэюнэ бѳкэл*. – Огонь-матушка, согрей нас, гори сильнее, пошли зверя» [3, с. 221]. По верованиям эвенков, огонь обладал сверхъестественной силой изгонять злых духов. При помощи огня они очищали от злых духов юрты, при длительной неудаче в охоте – охотничье снаряжение, перед камланиями – шаманское снаряжение. Во время эпидемий в очаге меняли огонь, добывая его путем сверления. Невеста приобщалась к роду мужа после того, как «угощала» огонь жиром [4]. В представлениях и образах, связанных с культом бабушки – духа огня, она выступала с одной стороны, как хозяйка и глава чума, домашнего очага, хозяйства, с другой – как хранительница душ семьи и рода, как место перевоплощения душ рода в новые поколения потомков-сородичей. Первая черта наиболее отчетливо проявилась в обряде переноса очага и в обряде встречи оленьего стада, вторая – в воззрениях об инкарнации одной из душ [5].

Сегодня существуют исследования концептуализации огня на материале разных языков. Так, изучению концепта «огонь», посвятили свои диссертационные работы А. К. Протасова «Вербализация концепта «огонь» в древнегерманских языках» [6, с. 3–30], А. В. Трофимова «Концепт «огонь» в современном русском языке» [7, с. 3–27], Д. Д. Хайруллина «Бинарные концепты «огонь» и «вода» как фрагмент языковой картины мира (на материале английского и татарского языков)» [8, с. 3–21] и др. На материале эвенского языка описание данного концепта проводилось Р. П. Кузьминой «Концепт «огонь» в лексической семантике эвенского языка» [9, с. 149–151]. К сожалению, научных работ, посвященных лингвокультурному, лингвокогнитивному исследованию концепта «огонь» в языковой картине мира эвенков, не имеется. Описание концептосферы эвенкийского языка является на сегодня одной из важных задач современных лингвистов-эвенковедов. Ее исследование дает возможность воссоздания ментальных единиц и их сохранения. Когнитивная картина мира эвенков, точнее, охотников, кочевников, оленеводов горно-таежной зоны, недостаточно изучена.

Обсуждение результатов

Ключевым словом-репрезентантом исследуемого концепта является встречающееся практически во всех диалектах эвенкийского языка общее тунгусо-маньчжурское наименование огня *того*: *эвенк. тоҕо* 1) огонь; 2) костер; 3) очаг; 4) тепло (солнечное); 5) молния; *тоҕот-/ч-* сушить (у огня); *сол. того* огонь; *эвен. тоҕ* 1) огонь; 2) костер; 3) очаг, топка, печь; 4) пожар; *нег. тѳ ~ тоҕо* 1) огонь; 2) костер; *ороч. тѳ* огонь; *уд. таивана* 1) зажигать (свечу, спичку; 2) прикуривать; *тѳ* 1) огонь; костер; *ульч. тава* огонь; *ороч. тава ~ тѳва* 1) огонь; 2) очаг; *нан. тава* 1) огонь; 2) костер; 3) очаг; *ма. табу* зажигать; *тува* огонь; *чж. m'ōh-wei* огонь [10, с. 190]. Рассмотрим деривационное поле лексемы *того*; *тово* Тт, П-Т, Н, С-Б; *тѳ* Ткм, Орч огонь; *тогодѳкѳт* Е очаг (печь); *тогодѳ* 1) огненный; *тогол* П-Т спички; *тогом* огненный, горящий (о взгляде); *тогонми* П-Т вдыхать дым; задышаться от

дыма; *тогономи* Тмт, Члм, Ие, Тт искриться, греть огнем. *Саман ʃһалин тогоновкӀл*. – Глаза у шамана горят огнем [11, с. 607–608]. Так, в рассматриваемой лексеме можем выявить семьи: ‘горение’, ‘жар’, ‘тепло’, ‘дым’, ‘икра’, ‘очаг (семейно-родовой)’, ‘уют’, ‘жилье’.

В номинативное поле концепта также входит лексема ‘*гулувун*’, употребляемая во многих диалектах, имеющая общий корень с одинаковым значением в других тунгусо-маньчжурских языках, текстах художественной литературы и поэзии: *эвенк. голумта* [<мо.] (*колумта, колумтан*) очаг (в чуме); *гул-* З, Учр, Чмк (*гулив-* Сх) сверкнуть (о молнии, зарнице); *гулдан* Учр, Чмк (*гуллан* З, Сх, Урм) молния; зарница; *гулувун* П-Т, А, Алд, Вл, Е, И, Н, С, Сх, Тнг, Учр (*гулубун, кулубун* Урм) костер; А, Е очаг; Вл ночной табор; В-Л *иноск.* медвежатина; *гулувунуи-* П-Т разводить костер; *гулунча-* П-Т, Е, З, И, Н сидеть, греться у костра; *устар.* жить табором (во время кочевки); *сол. гулʒёр* очаг; *эвен. гулун* костер; *нег. головун* костер (большой); *ороч. гогʒо(н-)* очаг; *ульч. голʒон(н-)* очаг; *нан. голʒо* очаг; *ма. голон туба* огни (ночью на дороге, в поле, лагере) [10, с. 169]. Лексема ‘*гулувун*’ имеет семьи: ‘горение’, ‘жар’, ‘тепло’, ‘икра’, ‘очаг (семейно-родовой)’, ‘пища’, ‘жилье’.

У эвенков одной из ранних форм камлания было камлание у больших костров (*дяуэ* ‘пламя’; *яндра* ~ *янда* ‘большой костер’; *яндрапка* ‘камлание у костров’), отчего одно из названий шамана ‘*яян*’ (*яя-* ‘камлатъ’) [3, с. 222]. Находим в эвенкийско-русском словаре: *дяньми* Учр, Тк, Сх, Нрч; *дяньми* Алд, Учр, Члм, З, Н, П-Т 1) полыхать, пылать (о пламени); вспыхивать, сверкать (о молнии). *Тогогдот дяньдяран*. – Вспыхивает (полыхает) огнем; *дяньэдерй* Алд, Учр, З, П-Т, Н пылающий, полыхающий, горящий; *дяньхинчами* Учр, Тк, Сх, Нрч сверкать (о молнии); вспыхнуть (о пламени), воспламениться. *Того дяньхинчаран*. – Вспыхнуло пламя [11, с. 220]. Такое название существует и в других языках тунгусо-маньчжурской группы: *уд. жауа* угли (горячие); *ороч. дандалли-* ~ *дандали-матчи-* приниматься тушить, гасить [10, с. 249]. В данной лексеме можно заметить семьи: ‘горение’, ‘искра’, ‘пламя’, ‘свет’, ‘молния’. Смотрим в эвенкийско-русский словарь: *янда* И; *яндра* С большой костер, который разжигался во время камлания; *яндраматми* С; *яндыми* И камлатъ у костра; *яндрапкӀ* С камлание у костра; *яями* Алд, С шаманить; И причитывать во время истерического припадка; *яян* Алд, И, С шаман [11, с. 794–796]. Корень этой лексемы обнаруживается также в других тунгусо-маньчжурских языках: *эвен. н’ӓја* песня (шамана); *н’ӓја-* петь (во время камлания); *нег. јаја-* петь (вообще и о шамане в частности); *ороч. јаја-* петь (во время камлания); *уд. јеӓ-* камлатъ (над больным); *ульч. јаја(н-)* песня; *јајала-* шаманить; *ороч. јаја* песня; *јаја-* петь (ритуальные песни, шаманить); *нан. јаја-* шаманить, петь (ритуальные песни); *ма. јајада-* картавить, шепелявить, пришепетывать [10, с. 338]. В этой лексеме можно выделить семьи: ‘большой’, ‘горение’, ‘камлание шамана’.

Кроме вышеупомянутых, в восточном наречии эвенкийского языка употребляется слово ‘*отӱ*’: *отӱ* Тк, Тмт, Учр, Члм, Алд, М, Чмк, Урм, Хнг; *атӱ* З, Чмк 1) костер, очаг; 2) стойбище; 3) Тмт шалаш из сена, веток; *отӱлӱвун* Сх костер; *отӱланми* Тк, Тмт, Учр, Члм, М, Урм, ночевать у костра; ночевать в шалаше; *отӱлӱнчӱми* Алд греться у костра; *отӱмӱ* 1) Члм, М, Чмк, Урм место потухшего костра; 2) Тмт заброшенный шалаш из сена, веток; *отӱунми* Члм развести костер [11, с. 477]. Это слово, возможно, пришло в эвенкийский язык с якутского *отуу* ‘шалаш’. В этом слове выделяются семьи: ‘горение’, ‘ночевка у костра’, ‘временное жилище’, ‘место потухшего костра’, ‘тепло’, ‘очаг (семейно-родовой)’.

Суффиксы, участвующие в образовании языковых единиц, актуализирующих концепт: а) суффикс *-кит* образует существительные со значением места или состояния (*тогодбкӱт*); б) суффикс *-ды* путем присоединения к существительным образует имена прилагательные, обозначающие тип, род предмета (*тогоды*); в) суффикс *-л*, суффикс множественного числа

существительных (*тогол*); г) суффикс *-мо*, присоединяясь к существительным, образует имена прилагательные, характеризующие предмет по его материалу (*тогомo*); д) суффикс *-вун* образует существительные со значением орудия действия, а также названия действия (*гулувун*); е) суффикс названия предмета или явления по обычно-производимому действию *-вка* (*-вкэ*, *-вко*), его диалектный фонетический вариант *-пка* (*-пкэ*, *-пко*) (*яндрапка*); ё) суффикс причастия длящегося действия *-ри*, имеющий значение названия действия или признака по действию (*дяннүдэри*).

Так, семантический анализ языковых единиц, входящих в номинативное поле концепта, позволяет выделить его когнитивные признаки: очаг (семейно-родовой), жилье, тепло, уют, пища, камлание шамана, жар, горение дым, искра, свет, молния. К понятийной стороне концепта можно отнести: дым, свет, горение, жар, тепло.

Как известно, охотничье-кочевая культура пеших тунгусов и родственных с ними народов формировалась в эпоху неолита [12–14]. Концепт «охота», являясь базовым в лингвокультуре эвенков, актуализирует основы их мировоззрения. Охотник, прежде чем отправиться на охоту, проводит обряд кормления огня (*имты*), обращаясь к огню, просит удачу (*сиңкэн*). Семантику названия обряда следует связывать с глаголами: *иму-* ‘мазать (жиром, мазью)’, ‘топить жир’; *имти-*, *имтйт-* ‘окуривать тушу убитого зверя дымом горящего жира’, ‘кадить дымом жира’; ‘лить сало в огонь (т. е. кормить огонь салом)’; ‘топить сало на сковороде’. Корневая основа этой лексемы имеется во всех тунгусо-маньчжурских языках, что указывает на архаичность обряда: *эвенк.* *имүвун* ‘мазь, смазка’; ‘помазок (для смазки)’; ‘коробочка (берестяная, с жиром для окуривания)’; *имүксэ* ‘сало, жир’; *имүксэлгэ-* ‘обезжировать’; *имүксэму-* ‘пахнуть жиром’; *имүксэчй* ‘сальный, жирный’; *имүлй* ‘олень, лось средней упитанности’; *имүптэрук* ‘мешок для сала’; *имүрэ*, *имүрэн* ‘сало, жир топленый, масло’; ‘олень (дикий, старше 7 лет)’; *имүрэ-*, *имүрэн-* ‘топить сало, снимать жир’; *сол.* *имукчэ* ~ *имуччэ* ‘жир, масло’; *эвен.* *имрэн* ‘жир, сало’; *нег.* *имнэн* ‘сливки’; *ороч.* *имти-* ‘мазать салом, жиром (идола)’, ‘кропить жиром (в знак жертвоприношения)’; *уд.* *имоһо* ‘сало, жир, масло’; *ульч.* *симсэ* ‘жир, масло, сало’; *орок.* *симурэ* ‘масло, жир’; *нан.* *симуксэ* ‘сало, масло’; *ма.* *имэуги* ‘масло’ [10, с. 313–314]. Так, мы можем наблюдать взаимосвязь, взаимообусловленность концептов «охота» и «огонь». Эвенки верят, что огонь понимает их речь, поэтому обращаются к нему со словами:

– *Тогокōкүн-эникэн!*

Таргачина дюссо

Энэ дёгоргирэ,

Мундү бүдекэл!

– Великий Огонь-матушка!

Такого же еще, *Энэ мулāна*, Не скупясь,

Не заставляя нас мучиться,

Нам давай!

[15, с. 150].

Имты – самый всеобъемлющий обряд, потому что охватывает все сферы жизни человека. По представлению эвенков, огонь – это посредник между человеком и высшим божеством *Буга* и другими духами рангом ниже [16]. Как уже отмечалось выше, огонь представляется эвенками в образе старушки. Поэтому в обращении к огню замечаем выражение «*Тогокōкүн-эникэн*» (Огонь-матушка). Суффикс *-кākүн* (*-кэкүн*, *-кōкүн*) имеет значение усиления качеств, присущих предмету, *эникэн* ‘бабушка’. Огонь наделен человеческими качествами, он может: *мулāнми* ‘жалеть’, *дёгоргими* ‘заставить мучиться’, *бүми* ‘дать’.

Огонь имеет способность не только понимать человеческий язык, но и говорить, предсказывать: *хиукэрйми* ‘потрескивать, предсказывая что-либо плохое (об огне)’, *хиукэрй* ‘потрескивание (горящих сырых дров)’. *Эрувэ сāми того сōмат хиукэрйвкй*. – Если узнает плохое, огонь сильно начинает потрескивать. Духа-хозяина охоты и диких животных именуют словом *‘хиукэн ~ сиңкэн’* (также именуют охотничьи амулеты в виде звериных шку-

рок, челюстей, клыков, когтей и т. д.), удачливого охотника ‘*һиңкэчй ~ сиңкэчй*’ (суффикс *-чи* имеет значение обладания предметом), обряд добывания охотничьей удачи ‘*сиңкэлэвун*’ (суффикс *-лэ* (-лā, -лō) имеет значение ‘пойти за чем-либо’, *-вун* – орудие действия или название действия).

Наблюдается взаимосвязь, взаимообусловленность концепта «огонь» с концептом «душа». Одна из душ умершего сородича (инкарнируемая душа *оми*) возвращается через известное время обратно на родовое стойбище, проникает через дымовое отверстие внутрь чума к матери – духу огня, а от нее – в чрево женщины [5]. Свидетельства этого имеются в текстах сказаний. Так, главный герой эпоса «*Мэнгрудя-сонинг*» богатырь Мэнгрудя «перед дальним путешествием обращается к очагу:

<i>Утнэр кутнэр утэкэни,</i>	Старинный, имеющий духа <i>утэн</i> мой,
<i>Итчилкэн омй тогокднми,</i>	Имеющий духа и душу огонь мой,
<i>Итчйев бүкэлду, горо</i>	Удачи мне дайте, в далекие
<i>Бугаялба иснадāви некэм.</i>	Земли отправиться надумал я

[16, с. 101].

В сказании используется обращение к огню ‘*Итчилкэн оми тогоконми*’ (Имеющий дух и душу огонь мой). Суффикс *-лкāн* (-лкэ́н, -лкōн) имеет значение обладания предметом, *-кāн* (-кэ́н, -кōн), уменьшительно-ласкательный суффикс, в данном случае обозначающий уважительное отношение. В восточном наречии эвенкийского языка (Тк, Тмт, Олкм, Сх, Урм, Учр, Алд, Члм, Чмк, Тнг, И встречается слово *итчи* ‘дух-хозяин (любого явления природы)’ [11]. Этимологию слова *итчи/иччи* Г. И. Варламова связывает с эвенкийским глаголом *ичэми* и *ичэтми*, имеющими следующие значения в эвенкийском языке: видеть, предвидеть, присматривать, наблюдать, воспитывать. Эти же глаголы имеют следующие переносные значения: воспитывать, покровительствовать, охранять [17]. В словаре находим: *итэ-ми* И; *ичэми* видеть; ухаживать (за больным); *ичэтми* смотреть, посмотреть, просмотреть [11]. Также в эвенкийском и эвенском языках имеется лексема: *эвенк*. П-Т, Н, С, С-Б *мусун ~ муһун ~ мушун* сила движения (в явлениях природы); дух-хозяин явлений природы; настроение; одаренность; дар слова; *мусучи* одаренный; имеющий духа-хозяина; *эвен. мўсан төр, буу мўсани* дух-хозяин земли; лесной дух; *мўсун* дух; привидение; фея; дух-хозяин места; *мўһолкан* волшебный [10]. Дух родового огня носит название *того мушун*. Первое слово *того* дословно означает «огонь», второе, *мушун*, переводится в словарях как «дух-хозяин явлений природы» (*му мушун* – дух-хозяин воды, *урэ мушун* – дух-хозяин горы и т. п.) [5]. *Омилкан* от *омй* ‘душа’, ‘дух’, ‘дух-хозяин’ [11]. Как уже отмечалось выше, суффикс *-лкāн* (-лкэ́н, -лкōн) имеет значение обладания каким-либо предметом.

Огонь может наказать. Так, в фольклорном тексте повествуется о встрече старого эвенка-охотника с огнем: «*Дюләви эмэрэн. Дюдүви уллэни депиллэн. Девдерэкин, тогон инкэридевки. Этыркэн гүнэн: «Ёкунма инкэридерэн?»*. Гидаларан тогови пуртатви. Этыркэн āнинан. Тэгэлтэгэ тэгэрэн, тогови илаллан. Тогон эвкй дегдэллэ. Эмэрэн атыркāн – āһан сокоти. Тар атыркāн гүнэн этыркэ́нми: «Тынэвэ ёда гидалачāс āһавав?». Этыркэн дялдаран. Атыркāнми гүнэн: «Оронмор гэннэкэл!». Атыркāнин эмуврэн оронми. Этыркэн тэпулирэн, сэксэвэн тогодү уукурэн. Тогон дегдэллэн. – Домой пришел. Дома стал есть мясо. Когда он начал есть, огонь начал трещать. Старик сказал: «Что это он трещит?». Ткнул ножом в огонь. После уснул старик. Утром встал, начал разжигать огонь. Огонь не горит. Пришла старушка – глаз у нее косой. Эта старушка сказала старику: «Вчера зачем мне ткнул в глаз?». Старик задумался. Бабушке своей сказал: «Сходи за оленем!» Бабушка привела оленя. Старик забил оленя, кровь в огонь налил. Огонь загорелся» [18]. Огонь предстает в образе старушки ‘*атыркāн*’ перед охотником и выражает недовольство

по поводу того, что он, во-первых, не угостил ее добытым мясом и, во-вторых, поранил ее, тем самым проявив неуважение к ней. Поэтому дух огня не дал возможности развести старику огонь. Данный текст связан с запретом-одё: «*Экэл тогово котот уркура. – Не шевели огонь ножом*». Имеется и ряд других запретов: «*Экэл тогодү тусмина. Туминнаракис, иннис хуемдиүэн*». – Не плюй в огонь. Если плюнешь, язык болячками покроется (в наказание); «*Тоголо инмэвэ экэл нодара. – Не бросай иголку в огонь*»; «*Куһаҕанма эвкыл того дагадүн чикэлиэкэнэ*». – Ребенка не сядят писать поблизости огня [19].

Эвенки считают, если человек долго оставляет огонь без угощения, то очаг, в свою очередь, перестает его охранять. В героическом сказании «*Иркисмэндя-сониу*» (Иркисмондя-богатырь) существует эпизод, где старший брат богатыря Иркисмонди кузнец Торонтай случайно раздавил себе молотом указательный палец. Богатырь укоряет брата за то, что он долго не кормил огонь, и поэтому с ним это случилось:

<i>Мэнди-дэ сагды бинэ,</i>	Сам ты, будучи старым человеком,
<i>Дигин муннукилкан колумтандуви</i>	Четырехугольный очаг
<i>Дёхуннак бэйнеүилби имуксэдуктын</i>	Салом почитаемых зверей
<i>Элнэс борира эда-ла горолдон,</i>	Почему давно не угощал,
<i>Багар, тадук алгаханды бидиүэн!</i>	Наверно, поэтому ты и ошибся!
<i>Сот химат иркин-бэюн имуксээн</i>	Быстро сало от самца осеннего дикого оленя
<i>Дигин кохокйа хогикса,</i>	Четыре куса отрезав, угости огонь!
<i>тогодүви борималчакал!</i>	
<i>Иркин-бэюн унан хунҕактадин</i>	Скорее перевяжи
<i>уныканми унямалчакал!</i>	Свой палец сырой мездрой самца осеннего

дикого оленя

[20, с. 114].

В текстах художественной литературы встречаются описания некоторых обычаев, связанных с огнем. Так, в произведении А. Н. Немтушкина «*Гагил мучудāвэр!*» (Лебеди вернитесь!) детально представлен обряд, связанный с перемещением очага: «*Ил-вэл гороло дьогүденэл, энёкэ эмчэ хэйнчедерэ, нунан гача бимчэ хулиптэнэ, сичисинимчā уксэливи, тадук гэлэктэчэ бимчэ Энекэвэ-тогово, гуннэ «Энёкэ-того, кэ, нулгисинмэт бмакталā дүннэлэ». Омактадү харāндү нунан арпулисинимчā уксэтви, гүнденэ: «Энёкэ-того, кэ, нулгирэт, аят дегдэдекэл, мунэ нямалгидякал, улйдекэл». Тадук илачā бимчэ. Эси туги бдями эвкэ, эдү даран эмэвүкэ дегдэдерйвэ элава, дьогүдерэ ичэврилэ. – Если куда-нибудь потребовалось бы перетаскивать далеко, бабушка, не торопясь, взяла бы золу, засунула бы себе в рукав и обратилась бы к Матушке-огню со словами: «Бабушка-огонь, ну покочуем на новую землю». На новом месте для очага она взмахнула бы рукавом, говоря при этом: «Матушка-огонь, ну, перекочевали. Хорошо гори, нас согревай, корми». И после разожгла бы костер. Сейчас так не сделаешь, потому что здесь рядом переносить угли [21, с. 14]. В тексте обнаруживаем обращение к огню «*Энёкэ-того*» (досл. бабушка-огонь). Огонь может греть, кормить: «*мунэ нямалгидякал, улйдекэл*» (нас грей, корми). Об этом обряде А. Ф. Анисимов пишет: «Обряд переноса очага совершался всякий раз, когда семья переходила с одного стойбища на другое» [5, с. 94]. И при перекочевке на дальнейшее расстояние бабушка соблюдала бы этот обычай. В данном случае она совершает обряд кормления огня имты: «*Эрэмэдү дюдү энёкэ уукулбурэн элалва гулүвун бидектулāн. – Энёкэ-того, кэ, холоктолдулй удялдулйвар нян элэ нулгирэт. Мундү-дэ Амарчанундү аяа йнэ бүкэл!.. Элалдулā нёдуран онкоролво гаракāрва, хувуллэн. Элал саунялла, тадук того аруран, гарал дегдэллэ. Йдук-вэл зипундукви энёкэ мйсиктэвэ имуксэжэмэ бакаран, тогово улйрэн:**

– Энэкэ-того!.. Эр синдү, аювукин бикин-да бидекэл, мундү дептылэе силбадякал, мунүйл-дэ хукитэлвун дялупил бидэтын. Си мёвачи бисинни, сё бисинни, одёнокол мунэ, анядякэрва. Синнун бу түгэниэ аят бододёнуэвун, иңисилээ улокичэнуэвун. Кэ, аят бидекэл!.. – В ближнем чуме бабушка высыпала угли на место очага. – Бабушка-огонь, ну, по старым следам нашим сюда перекочевали. Нам с Амарчой хорошую жизнь дай!.. В угли бросила сухих веточек, подула на огонь. Угли задымили, и огонь ожил, ветки загорелись. Откуда-то из зипуна бабушка нашла кусок жира, накормила огонь: – Бабушка-огонь!.. Это тебе, будь всегда сытой, нам еды пообещай, чтобы наши желудки были полными. Ты трудолюбивая, сильная, береги нас, сирот. С тобой мы зиму хорошо переживем, холода перехитрим. Ну, хорошо живи!.. [21, с. 14]. В этом обращении бабушки к огню можем обнаружить следующие свойства огня: она (бабушка-огонь) может дать хорошую жизнь, пищу, согреть, обегать; она может быть сильной, трудолюбивой.

В художественных произведениях Г. И. Кэптукэ находим описания способности огня понимать человеческую речь, говорить и предсказывать. В рассказах «Чэриктэ улгүрилиң» (Рассказы Чэриктэ) главный герой-рассказчик дедушка Чэриктэ подробно об огне говорит: «Того сёмат түрэнмэ дблдывкй. Ён-мал гунэкис, чэһиргевкй того. «Чэс!» – бвкй. Эрүвэ сәми, чэскэнэливкй. Сиңкэдерэн тар. Эрүвэ сәми сөт сиңкэригкй того, сёмат чэһиргэливкй. – Огонь очень хорошо слушает речь. Что-нибудь скажешь, пищит огонь. «Чэс!» звук происходит. Если плохое знает, сильно пищит. Это он предсказывает. Если плохое знает огонь, сильно трещит, пищит [22, с. 280]. В том же произведении Г. И. Кэптукэ дедушка Чэриктэ рассказывает о появлении огня от божества Айихит-эни: «Того тэкэнин Айиһит-энидүк бивкй. Айиһит-эни бэевэ иргивкй, хутэвэ бүйкй, тэкэнмэс карайивкй. Того дүгэе ачин бивкй. Ён тар гуктэ бидиңэн? Һанууракис, эвэнкйл тыкэн гунигкйл нонон бичэл. Ёкин-ка, бикин билир-билир эр бэе тоговон Айиһит-эни нулигканчә. Тадук эһилэ бэел тогочыл бчәл. Тогово нулигкйл бчәл. Си энинни энинин тогови нулдиңэс. Си һутэлис тогоговор нулдиңэтын, һутэлис һутэлытын тогоговор нулдиңэтын. Тарит гунигкйл – того дүгэе ачин. – Корень огня от Айихит-эни. Айихит-эни человека взращивает, детей дает, род твой охраняет. Огонь не имеет конца. Как эту пословицу можно объяснить? Если спросишь, раньше эвенки так говорили. Когда-то давным-давно огонь людей разожгла Айихит-эни. И с тех пор люди стали с огнем. Стали разжигать огонь. Ты разожжёшь огонь матери твоей мамы. Твои дети огонь разожгут, дети твоих детей огонь разожгут. Поэтому говорят – огонь не имеет конца» [22, с. 280–281]. Г. И. Варламова семантику названия божества Айихит-эни связывает с лексемой айи, опираясь на диалектологический словарь эвенкийского языка: 1) доброе существо Верхнего и Среднего миров в сказаниях; 2) добродетель. Айихит как производное от айи [23, с. 37]. В тунгусо-маньчжурских языках корневое гнездо слова ај, к которому этимологически восходит слово айи, очень обширно, но четко имеет два основных значения: 1) помощь; 2) спасение [23, с. 39]. В тексте звучит пословица: Того дүгэе ачин. – Огонь не имеет конца». Она имеет глубокий смысл: от огня рождается эвенкийская семья и род в целом. Так, сопровождая из поколения в поколение, в течение всей жизни огонь оберегает эвенкийский род. Здесь мы видим подтверждение взаимосвязи, взаимообусловленности концептов «огонь», «душа», «охота».

В поэтических текстах эвенкийских авторов можем наблюдать восприятие огня, как живого существа, дающего удачу. В стихотворении Н. К. Оёгира «Илауна кайдәми татыйкал» (Учись строгать стружки на костер) ярко выражаются этноспецифические особенности восприятия огня:

Тар мбәа кайдәми татыйкал,
Гулүвүн урундән улйкәл.

Научись строгать полено стружкой,
Чтоб костер обрадовался, накорми его.

Гулувун кутучивэ бүдеүн,
Сакэл, эвэды йн – гулувун

Костер удачи даст,
Знай, эвенкийская жизнь – костер

[24, с. 203].

В тексте обнаруживается лексико-грамматическая сочетаемость, выражающая образное восприятие огня, как живого существа, которое нужно кормить, чтобы оно послало удачу: «илавүна кандāми – стружки (топливо) строгать, мōва кандāми – дерево строгать стружкой, гулувун урундэн – чтобы обрадовался костер, гулувун кутучивэ бүдеүн – огонь даст удачу, эвэды йн – гулувун – эвенкийская жизнь – костер.

Так, фольклорные, художественные и поэтические тексты подтверждают наличие вышеупомянутых признаков концепта и дополняют его присутствием образных признаков: божество в образе старушки, которое может: дать, наказать, накормить, согреть, оберегать.

Большинство современных эвенков продолжает соблюдать обряд кормления огня *имты*. Чаще среди них охотники, оленеводы, ведущие охотничье-кочевой образ жизни. В качестве респондентов выступили носители эвенкийского языка, сохранившие традиционные виды хозяйства. Им было предложено ответить на вопрос: *Экун тар того эвэнкилдү?* (Что значит огонь для эвенков?). Тексты, записанные от информантов, выражают почтительное отношение к огню: «*Эвэнкйл урэдү йдү-да тогодү неһүпкāнипкйл. Того эвэнкйвэ нямалгипкйл, олгипкйл, улйпкйл. Тогодү дебгэе ирйунэнни. Бултāнаденэ, тогодү неһүпкāниунэнни, бултāная ичэвулдедэтын. Дйодүви, дюкчādү, палаткадү оһокво эунэнни һоролло. Бэелдү, мātāлдү оһокво эпкэвун һоролло, тогодүтын неһүпкāниунэнни. Того нан бэегэчин түрэтчэпкйл, эрут тогово эпкэвун түрэттэ. Гиүкэридерэн того. Тар нунан тэдэвутчэрэн, дүлэски экун бйатван. Того мэнэк эпкй гиүкэрирэ. Эвэнкйл дблдыми гиүкэридерйван сэрэнчэпкйл, мэргэлипкйл. Эда гиүкэридерэн, гуныпкйл. Неһүпкāнипкйл тогодү: клебэе, арйя, дебгэдут экуна-вал.* – Эвенки везде, находясь в лесу, огонь угощают. Огонь эвенка согревает, сушит, если он намокнет; кормит. На костре готовишь еду. Перед охотой огонь угощаешь, чтобы он показал добычу. В доме, в чуме или в палатке вокруг печки не ходишь. У людей, соседей нельзя ходить вокруг печки, кормить их огонь. Огонь тоже как человек разговаривает, плохое об огне нельзя говорить. Трещит огонь. Это он предвещает, что будет в будущем. Так просто он сильно не трещит. Эвенки, когда услышат его потрескивание, остерегаются, начинают унывать. Почему трещит, думают. Угощают огонь: хлеб, масло, ну, что-нибудь из еды дают» (Габышева Капиталина Ивановна, 1960 г. р., с. Усть-Нюкжа, Тындинский район, Амурская область). Лексико-грамматическая сочетаемость в тексте указывает на наличие когнитивных признаков: огонь нужно угощать; огонь согревает, кормит, сушит; перед охотой нужно кормить огонь; огонь показывает, где находится добыча; огонь как человек может разговаривать, предсказывать будущее. В текстах респондентов обнаруживаются запреты, связанные с огнем: «*Мунэвэ эрэгэр лэгиукитын. Бу моунолдодёнол, тумнйлиунэрэв, эунэрэв. «Эда тоголб тумнйдянни, эпкэвун тыкэ нэкэрэ», – гунденэ. Та-дүк, – «Тогово эпкэвун уркүра», – тыкэ гуниукитын энтылвун, амтылвун.* – Нас ругали. Мы, балуясь, плевали в огонь. «Зачем в огонь плюешь, нельзя так делать», – нам говорили. «Огонь нельзя мешать», – так говорили наши предки (Мальчакитова Мира Григорьевна, 1958 г. р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район Забайкальский край).

Об огне эвенки никогда не забывают, во время еды угощают его тем, что имеется из еды: «*Тогодук аяя гэлэунэнни. Тогоду дебгэдукви бориунэнни. Нунан (того) ичэпки. Чай-тыятми тогодуви бориунэнни клебаканэ, имурэкэнэ. Таварава эвэнкил эпки омүоро.* – У огня просят хорошее. Огонь угощаешь чем-нибудь из еды. Он смотрит. Как сядешь чай пить, огонь кормишь хлебом, жиром. Его (огонь) эвенки никогда не забывают» (Габышев Павел Владимирович, 1960 г. р., с. Тяня, Олёкминский район, Республика Саха (Якутия).

Обряд переноса родного очага невестой в дом жениха записан от носителя баргузинского диалекта эвенкийского языка: *Учэлэ хүнйт мирэнми мэнни дюдукви тогодук тогокбю сурувункин. Эһй-вэл сурувукйл. Хүнйт мирэннэкин хунту дйла сурувкй тадук мэнни тогови сурувкй. Би мэнэжэн сурувчэв мэнни дудюкви, мирэнми, минуй нэкунми сурувчэн. Аһи-бэе сурувкй мэнни тогови.* – Раньше девушка увозила с собой из родного дома огонь. Даже сейчас его увозят с собой. Девушка, выйдя замуж, уходит в другой дом и уносит с собой свой родной очаг. Я сама перенесла свой огонь из родного дома, когда вышла замуж, моя сестра младшая тоже унесла с собой огонь. Женщина уносит с собой родной огонь (Степанова Елена Сергеевна, 1982 г. р., с. Алла, Курумканский район, Республика Бурятия). Подобный обычай находим в исследованиях А. Ф. Анисимова: «...она (невеста) перед входом в жилище жениха зажигала лучинки, взятые с собой от родового огня, и с помощью их «разводила» огонь на новом очаге, говоря: «Матушка, новый огонь засветив, новый саран (т. е. место, где разводят огонь очага) устрой. Пусть в нем огонь мой не перестает гореть» (Анисимов, 1958, с. 98). Анализ текстов, записанных от информантов, показывает отражение ценностной составляющей в структуре концепта: восприятие огня, как некой сверхъестественной сущности, дарующей тепло, уют, пищу, удачу на охоте, участвующей в продолжении рода и оберегающей его.

Заключение

Таким образом, понятийная, образная и ценностная составляющие в структуре концепта взаимосвязаны. Заметна тесная взаимосвязь и взаимообусловленность ментальных образований в лингвокультуре эвенков. Это дает перспективу дальнейшего исследования концептосферы эвенков. Описание упорядоченной совокупности ментальных единиц в сознании таежных nomads, охотников, оленеводов дает доступ к познанию их мышления, реконструкции и сохранению концептосферы исчезающих языков.

Литература

1. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре : Монография / В. А. Маслова. – Москва : Гнозис, 2007. – 320 с.
2. Бурыкин, А. А. Вера в духов : сколько душ у человека / А. А. Бурыкин. – Санкт-Петербург : Азбука-классика (Петербургское востоковедение), 2007. – 320 с.
3. Василевич, Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII– начало XX в.) / Г. М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1969. – 304 с.
4. Мазин, А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX–начало XX в.) / А. И. Мазин. – Новосибирск : Наука, 1984. – 200 с.
5. Анисимов, А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований / А. Ф. Анисимов. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. – 238 с.
6. Протасова, А. К. Вербализация концепта «огонь» в древнегерманских языках : специальность 10.02.20 «сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Томский государственный педагогический университет / Протасова Анна Константиновна. – Томск, 2004. – 139 с.
7. Трофимова, А. В. Концепт «огонь» в современном русском языке : специальность 10.02.01 «русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова / Трофимова Антонина Владимировна. – Москва, 2005. – 212 с.
8. Хайруллина, Д. Д. Бинарные концепты «огонь» и «вода» как фрагмент языковой картины мира (на материале английского и татарского языков) : специальность 10.02.20 «сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет. / Хайруллина Динара Дилшатовна. – Казань, 2009. – 237 с.

9. Кузьмина, Р. П. Концепт «огонь» в лексической семантике эвенского языка / Р. П. Кузьмина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 9–3(111). – С. 149–152. – DOI: 10.23670/IRJ.2021.9.111.100.
10. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Ответственный редактор В. И. Цинциус ; автор предисловия проф. О. П. Суник ; АН СССР. Ин-т языкознания. – Ленинград : Наука, 1975. – Т. 1. А-Н; 1977. – Т. 2. О-Э.
11. Мыреева, А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук / А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2004. – 798 с.
12. Окладников, А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: в 3 ч. Ч. 3 / А. П. Окладников. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1955. – 373 с.
13. Василевич, Г. М. Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков) : доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени д-ра ист. наук / Г. М. Василевич. – Ленинград : АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1968. – 72 с.
14. Варламов, А. Н. Сонинги Дулин Буга : этногенез и этническая история эвенков / А. Н. Варламов. – Новосибирск : Наука, 2022. – 704 с.
15. Обрядовая поэзия и песни эвенков / составители Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин. – Новосибирск : Гео, 2014. – 487 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего востока; Т. 32).
16. Варламова, Г. И. (Кэптукэ). Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора / Г. И. Варламова. – Новосибирск : Наука, 2002. – 376 с.
17. Варламова, Г. И. О героических сказаниях эвенков бассейна Р. Алдан / Г. И. Варламова // Эпическое наследие народов Якутии : традиции и современность : Материалы научно-практической конференции, Алдан, 08–09 декабря 2017 года. – Алдан : Якутия, 2017. – С. 12–18.
18. Фольклор эвенков Олёкмы / Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного Федерального университета имени М.К. Аммосова ; составители : Г. И. Варламова [и др.] ; ответственный редактор В. В. Илларионов ; редактор текстов на эвенкийском языке Н. Ю. Ушницкая. – Якутск : Алаас, 2021. – 358 с.
19. Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2009. – 608 с. – ISBN 978-5-8331-0180-3.
20. Типы героических сказаний эвенков / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. – Новосибирск : Наука, 2008. – 228 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока). – ISBN 978-5-02-032172-4.
21. Немтушкин, А. Родная тайга : повесть и стихотворения на эвенк. яз. / А. Немтушкин. – Санкт-Петербург : Просвещение, 1992. – 224 с.
22. Кэптукэ, Г. Рожденные под Небо-Буга : избранные произведения / Г. Кэптукэ ; составители: А. Н. Варламов, Ю. А. Варламова ; редактор текста на эвенкийском языке С. В. Васильева. – Якутск : Алаас, 2021. – 480 с.
23. Варламова, Г. И. Мировоззрение эвенков : отражение в фольклоре / Г. И. Варламова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 185 с.
24. Оёгир, Н. К. Гулунун дегдэдеден – Чтоб не гас костёр / Н. К. Оёгир. – Красноярск : Сибирские промыслы, 2006. – 352 с.

References

1. Maslova, V. A. Homo lingualis v kul'ture : Monografiya / V. A. Maslova. – Moskva : Gnozis, 2007. – 320 s.
2. Burykin, A. A. Vera v duhov : skol'ko dush u cheloveka / A. A. Burykin. – Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika (Peterburgskoe vostokovedenie), 2007. – 320 s.
3. Vasilevich, G. M. Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII– nachalo XX v.) / G. M. Vasilevich. – Leningrad : Nauka, 1969. – 304 s.
4. Mazin, A. I. Tradicionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (koniec XIX–nachalo XX v.) / A. I. Mazin. – Novosibirsk : Nauka, 1984. – 200 s.
5. Anisimov, A. F. Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniya pervobytnyh verovanij / A. F. Anisimov. – Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1958. – 238 s.

6. Protasova, A. K. Verbalizatsiya koncepta «ogon'» v drevnegermanskih yazykah : special'nost' 10.02.20 «sравnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i сопоставitel'noe yazykoznanie» : dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Tomskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet / Protasova Anna Konstantinovna. – Tomsk, 2004. – 139 s.
7. Trofimova, A. V. Koncept «ogon'» v sovremennom russkom yazyke : special'nost' 10.02.01 «russkij yazyk»: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova / Trofimova Antonina Vladimirovna. – Moskva, 2005. – 212 s.
8. Hajrullina, D. D. Binarnye koncepty «ogon'» i «voda» kak fragment yazykovoj kartiny mira (na materiale anglijskogo i tatarskogo yazykov) : special'nost' 10.02.20 «sравnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i сопоставitel'noe yazykoznanie» : dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Tatarskij gosudarstvennyj gumanitarno-pedagogicheskij universitet. / Hajrullina Dinara Dilshatovna. – Kazan', 2009. – 237 s.
9. Kuz'mina, R. P. Koncept «ogon'» v leksicheskoy semantike evenskogo yazyka / R. P. Kuz'mina // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – 2021. – № 9–3(111). – S. 149–152. – DOI: 10.23670/IRJ.2021.9.111.100.
10. Svarnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov / Otvetstvennyj redaktor V. I. Cincius ; avtor predisloviya prof. O. P. Sunik ; AN SSSR. In-t yazykoznanija. – Leningrad : Nauka, 1975. – T. 1. A-N; 1977. – T. 2. O-E.
11. Myreeva, A. N. Evenkijsko-russkij slovar' = Evedy-luchady tureruk / A. N. Myreeva. – Novosibirsk : Nauka, 2004. – 798 s.
12. Okladnikov, A. P. Neolit i bronzovyj vek Pribajkal'ja: v 3 ch. CH. 3 / A. P. Okladnikov. – Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1955. – 373 s.
13. Vasilevich, G. M. Evenki (k probleme etnogeneza tungusov i etnicheskikh processov u evenkov) : doklad po opublikovannym rabotam, predstavlenyj na soiskanie uchenoj stepeni d-ra ist. nauk / G. M. Vasilevich. – Leningrad : AN SSSR, In-t etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja, 1968. – 72 s.
14. Varlamov, A. N. Soningi Dulin Buga : etnogenez i etnicheskaya istoriya evenkov / A. N. Varlamov. – Novosibirsk : Nauka, 2022. – 704 s.
15. Obryadovaya poeziya i pesni evenkov / sostaviteli G. I. Varlamova, YU. I. SHEjkin. – Novosibirsk : Geo, 2014. – 487 s. – (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego vostoka; T. 32).
16. Varlamova, G. I. (Keptuke). Epicheskie i obryadovye zhanry evenkijskogo fol'klora / G. I. Varlamova. – Novosibirsk : Nauka, 2002. – 376 s.
17. Varlamova, G. I. O geroicheskikh skazaniyah evenkov bassejna R. Aldan / G. I. Varlamova // Epicheskoe nasledie narodov YAKutii : tradicii i sovremennost' : Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, Aldan, 08–09 dekabrya 2017 goda. – Aldan : YAKutiya, 2017. – S. 12–18.
18. Fol'klor evenkov Olyokmy / Nauchno-issledovatel'skij institut Olonho Severo-Vostochnogo Federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova ; sostaviteli : G. I. Varlamova [i dr.] ; otvetstvennyj redaktor V. V. Illarionov ; redaktor tekstov na evenkijskom yazyke N. YU. Ushnickaya. – YAKutsk : Alaas, 2021. – 358 s.
19. Slovar' dzheltulakskogo govora evenkov Amurskoj oblasti. – Blagoveshchensk : Blagoveshchenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2009. – 608 s. – ISBN 978-5-8331-0180-3.
20. Tipy geroicheskikh skazaniy evenkov / Rossijskaya akademiya nauk, Sibirskoe otdelenie, Institut gumanitarnykh issledovanij i problem malochislennykh narodov Severa. – Novosibirsk : Nauka, 2008. – 228 s. – (Pamyatniki etnicheskoy kul'tury korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka). – ISBN 978-5-02-032172-4.
21. Nemtushkin, A. Rodnaya tajga : povest' i stihotvoreniya na evenk. yaz. / A. Nemtushkin. – Sankt-Peterburg : Prosveshchenie, 1992. – 224 s.
22. Keptuke, G. Rozhdennye pod Nebo-Buga : izbrannye proizvedeniya / G. Keptuke ; sostaviteli: A. N. Varlamov, YU. A. Varlamova ; redaktor teksta na evenkijskom yazyke S. V. Vasil'eva. – YAKutsk : Alaas, 2021. – 480 s.
23. Varlamova, G. I. Mirovozzrenie evenkov : otrazhenie v fol'klоре / G. I. Varlamova. – Novosibirsk : Nauka, 2004. – 185 s.
24. Oyogir, N. K. Guluvun degdededen – CHtob ne gas kostyor / N. K. Oyogir. – Krasnoyarsk : Sibirskie promysly, 2006. – 352 s.